

**РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЭМИГРАНТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЫ РУССКОЙ
ДИАСПОРЫ В ХАРБИНЕ В.П.ХАН)**

Возникший в последние десятилетия интерес к языку русского зарубежья открыл для исследователей как одну из особых форм существования русского языка – русский язык зарубежья, так и множество интересных языковых личностей, в чьей речи реализуется названная форма существования языка [См.1-6].

Впервые русский язык зарубежья как «самостоятельный способ бытования русского языка, как отдельную сферу его существования, наряду с другими, достаточно автономными его ипостасями в метрополии: современным литературно-письменным языком, устными народными говорами, мёртвым языком памятников письменности, устно-разговорной разновидностью (включающей и просторечие), языком науки и техники, а также вариантами так называемой неисконной русской речи, существовавшей ранее в республиках СССР, а теперь – в СНГ» определил Ю.Н.Караулов [1, с.5]. В своей статье «О русском языке зарубежья»(1992) он рассматривает особенности «личностного аспекта» русского языка зарубежья, ставя задачу охарактеризовать типизированную, усредненную языковую личность – «русскую языковую личность» [Там же, с.5] на материале письменных источников русской эмиграции XX в. – художественной прозы и книжной публицистики.

Устные источники, представляющие собой записи устной речи говорящих по-русски представителей многочисленных разбросанных по миру русских диаспор, также, на наш взгляд, позволяют описать и охарактеризовать инвариантную языковую личность русского эмигранта. Хотя, полагаем,

адекватное описание возможно лишь с учётом дополнительных факторов социолингвистического характера: причин и волн эмиграции, страны проживания, установки на сознательное сохранение языка или её отсутствие и др.

Описание языковой личности, как типизированной, так и индивидуальной, требует по возможности исчерпывающего знания языковой способности говорящего, реализующейся в порождаемых им текстах, письменных и/или устных. Необходимым этапом при описании языковой личности является речевое портретирование, подразумевающее выявление специфичных черт говорящего на фоне социолингвистических переменных.

Традиция речевого портрета сложилась в Московской социолингвистической школе. У её истоков находился М.В.Панов, который в своей монографии «История русского литературного произношения XVIII-XX вв.» (1970, опублик. в 1990г.) представил эволюцию русской орфоэпической нормы не только в историческом, но и в персонологическом аспекте, создав серию фонетических портретов, иллюстрирующих тот или иной период в истории произносительной системы русского языка. Одной из задач книги было определить, «в какой степени произносительные изменения обусловлены внешними (социальными) воздействиями на язык и в какой – внутренними законами языка» [7, с. 5], поэтому фонетические портреты М.В.Панова сопровождаются биографическими сведениями и сведениями историко-культурного характера, помогающими объяснить тот или иной тип произношения. Языковые факты в личностном преломлении обретают зримость и убедительность.

Стратегия речевого портретирования обоснована в работе М.В.Китайгородской и Н.Н.Розановой «Русский речевой портрет» (1995). Она заключается в описании характерных черт языковой личности и отражении неповторимой речевой индивидуальности [8, с.3-4]. М.В.Китайгородская и Н.Н.Розанова указывают на то, что «обычно в распоряжении исследователей имеется ограниченный объём записей и наблюдений над речевой

деятельностью говорящего в разных коммуникативных сферах, что не даёт возможности представить его как языковую личность во всём многообразии». Однако имеющиеся в распоряжении тексты устной речи обладают, по мнению авторов, «диагностирующей информацией, достаточной для создания речевых портретов. О том, что важно при речевом, или социолингвистическом, портретировании «фиксировать яркие диагностирующие речевые пятна», писала Т.М.Николаева [9, с.71]. «Многие языковые парадигмы, начиная от фонетических, кончая словообразовательными, оказываются вполне соответствующими общенормативным параметрам и потому интереса не представляют» [Там же, с.71].

Несмотря на то, что речевой портрет отражает индивидуальные черты речи конкретного говорящего, он представляет языковое бытие социальной группы, к которой относится говорящий, и в этом смысле любой речевой портрет – явление типическое. В последнее время появилось немало исследований, в которых предприняты попытки «нарисовать» речевые портреты представителей различных социальных групп: представителя интеллигенции (Л.П.Крысин), носителя просторечия (В.Д.Черняк), бизнесмена (Т.А.Милёхина), «нового русского» (Е.Я.Шмелёва) [10, с.479-534]*.

Создание речевых портретов с учетом особенностей на всех языковых уровнях, особенностей речевого поведения, личных, профессиональных, биографических сведений, по мнению Е.А.Земской, является одним из возможных направлений исследования русского языка зарубежья. «В результате такого изучения мы получаем речевой портрет определённого человека, отражающий как его общие черты, присущие ему как представителю разных множеств и подмножеств эмигрантов, распределенных по тем или иным признакам, так и его индивидуальные черты, присущие ему как личности» [5, с.28]. В монографии «Язык русского зарубежья» (2001) Е.А.Земской представлены речевые портреты 25 представителей русской эмиграции на

* Существует также и опыт создания речевого портрета собаки [11, с.94-103], что само по себе показательно и свидетельствует об уже сложившейся методике речевого портретирования.

запад, значительной частью это эмигранты разных поколений первой волны эмиграции. При речевом портретировании русских, эмигрировавших за рубеж, и их потомков обращается внимание на фонетические, морфологические, словообразовательные, синтаксические и лексические особенности их речи в сравнении с нормами русского языка. В результате речевого портретирования оказалось возможным выявить типические черты речи эмигрантов первой волны и их потомков, показывающие, с одной стороны, тенденции развития русского языка, которые в языке эмиграции усиливаются, а с другой стороны, сделать выводы о значительной степени сохранности русского языка в эмиграции, что обусловлено факторами экстралингвистического характера.

Русский язык восточной ветви эмиграции из России практически не изучен, однако интерес к нему закономерно возник в последнее десятилетие. Восточное русское зарубежье имеет как сходные с эмиграцией на запад черты языкового плана, так и существенные отличия. Полагаем, что в качестве одного из способов выявления общего и специфичного в русском языке западной и восточной ветвей эмиграции может выступать речевое портретирование представителей русской эмиграции на восток.

Первые «портретные наброски» речи представителей русской восточной эмиграции имеются в работах Оглезневой Е.А. [12, 14], Старыгиной Г.М. [13], об особом русском языке старых харбинцев неоднократно упоминалось в газетно-журнальной публицистике. Однако полного системного описания речи отдельных представителей русской эмиграции на восток, которое можно назвать речевыми портретами, на сегодняшний день нет. Создание речевой «портретной галереи» лишь в перспективе. Цель настоящей работы – создание речевого портрета представительницы русской диаспоры в Харбине (Китай) кореянки Валентины Павловны Хан, 1923 г.р. Может показаться необычным выбор именно этой носительницы русского языка в качестве портретируемого представителя русской диаспоры в Харбине. Однако степень владения русским языком, сферы его использования, статус среди других известных Валенти не Павловне языков и история русского Харбина объясняет наш выбор.

Крупнейшими центрами восточной русской эмиграции были Харбин и Шанхай.

«Восточной Москвой» по праву называли Харбин. Русские здесь появились в конце XIX века. Первое массовое переселение русских в Китай началось в связи со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), административным и экономическим центром которой стал Харбин. Начало строительства КВЖД датируют 1898г. Оказавшись в Харбине, русские создали уникальную культурную среду — по образу и подобию той, что была на родине, своеобразную «российскую цивилизацию» [15, с.38].

Известно, что Харбин был многонациональным городом, но общий тон здесь задавала русская культура: русская архитектура, русская микротопонимика (см.названия улиц Церковная, Гоголевская, Таможенная, Крестовоздвиженская, Пекарная, Аптекарская, Почтовая и др.), русское кино и театры, русские газеты и журналы, русские учебные заведения, русские магазины, крупнейшие из которых принадлежали известному русскому купцу и предпринимателю И.Я.Чурину. В Харбине образовался остров русской жизни, судьба которого оказалась отличной от судьбы родины в силу исторических обстоятельств.

Ко времени белой эмиграции в Китай Харбин был достаточно крупным городом. В 1920 г. его население составляло 200 тыс. человек, из них больше 50 тыс. русских, а в 1931 г. – 332 тыс., из них 64 тыс. европейцев, главным образом, русских [16, с.297], в 40-е гг. – около 800 тыс. человек [17, с.32]. «После поражения Колчака в Китай устремилась четверть миллиона сторонников белой идеи, 175 тыс. беженцев принял Харбин» [18, с.6].

По воспоминаниям очевидцев, до конца 40-х гг. Харбин производил впечатление патриархального русского города.

Таким образом, послереволюционные беженцы из России нашли на чужбине русский город, с привычным для них патриархальным укладом, и это обуславливало принципиально иное положение и мироощущение русской восточной эмиграции. «Странная эта эмиграция», по выражению бывшего

харбинца В.В.Левитского, была отличной от эмиграции на Запад. «Два центра было у русской эмиграции: в Европе – Париж, в Азии – Харбин. И если русское дворянство быстро ассимилировалось во французском обществе, то на другом конце света несколько десятилетий сохранялась дореволюционная Россия. На улицах Парижа русские говорили на чужом языке, на улицах Харбина – на своем», — писал О.Б.Бобин [18, с.7]. Все «волны» русских переселенцев в Китае неизбежно взаимодействовали, представляя собой этническую общность со всеми этнокультурными атрибутами. Символом этнокультурного объединения стал русский язык.

По замечанию Л.П.Крысина, «задача социолингвистического исследования состоит как раз в том, чтобы получить представление о реальной языковой жизни людей» [10, с. 81].

Уникальной языковой личностью является кореянка Валентина Павловна Хан, примкнувшая к русской диаспоре в Харбине. Родилась она в 1923 г., в 20-е гг. семья ее отца обосновалась в Маньчжурии. Родной язык Валентины Павловны корейский. Интерес к русскому языку и православию возник в детстве под влиянием семьи русских интеллигентов, живших по соседству. Затем – обучение в русской школе, русском университете, любовь к русскому парню. Личностные аспекты соприкосновения с другой культурой обернулись глубокой верой и любовью ко всему русскому. Русский язык выполнял функцию основного у Валентины Павловны до периода угасания харбинской русской диаспоры.

Валентина Павловна — верующий человек. Во время отсутствия священника в церкви она и М.М.Мятов заменяли его на богослужениях. Валентина Павловна уверена, что только вера помогла ей пережить тяжкие годы испытаний – двенадцать лет китайской тюрьмы и ссылки во время культурной революции: здесь она и начала изучать китайский язык. До этого времени языком страны проживания она не пользовалась. В настоящее время свободно говорит по-китайски, с уважением относясь к китайцам и их культуре. Кроме корейского, русского и китайского языков, в область языковой

компетенции Валентины Павловны входит английский, который она преподаёт до настоящего времени. Русский язык в иерархии известных ей языков занимает, по словам Валентины Павловны, особое место: она называет его тем языком, на котором думает. В душе она считает себя русской.

Материалом анализа русского языка Валентины Павловны (далее – В.П.) выступает аудиозапись её спонтанной устной речи продолжительностью 180 мин., сделанная в ситуации неофициального общения в дружеской обстановке дома у В.П. в Харбине.

Разговор шёл на разные темы: старый Харбин, общественная и культурная жизнь в русском Харбине, истории из жизни русских Харбина, юность, друзья юности, первая любовь, православная церковь в Харбине, последние русские харбинцы В.А.Зинченко и Н.А.Давиденко, судьба бывших русских харбинцев, современная Россия, Москва.

По основным характеристикам речь В.П. представляет собой разговорную разновидность русского литературного языка: в ней наблюдаются особенности разговорной фонетики и грамматики, использование лексики также не противоречит традиции разговорной речи.

Усвоенный в детстве в Харбине русский язык В.П. в целом соответствует русской литературной норме начала XX века. В качестве нормативного ориентира в области произношения, словоупотребления, использования грамматических форм нами избран «Толковый словарь русского языка» под ред. проф. Д.Н.Ушакова (1935-1940)[19]. Кроме того, мы обращались к данным современных толковых и фразеологических словарей русского языка [20; 21; 22] и показаниям собственного языкового сознания при анализе и характеристике фактов речи В.П.Хан.

ФОНЕТИКА

Фонетические особенности речи В.П. в основном отражают русскую литературную произносительную норму начала XX в., усвоенную ей в русской школе и русском университете в Харбине от русских педагогов и поддерживавшуюся повседневным общением в русской интеллигентской среде.

1) В области вокализма это **аканье**, т.е. неразличение <а> <о> в первом предударном слоге после твёрдых согласных: *в мужской к[а]манде; в б[а]льнице, к[а]зённые деньги, к[а]рмила в рест[а]ране.*

2) После мягких согласных отмечаем **еканье** в первом предударном слоге: <е> и <а> реализуются звуком [е] в речи В.П.: *в пять [ч`е]сов, по[б`е]жали домой, [б`е]рите пирожные, на этом [д`е]ле, на[ч`е]лось, двадцать шестого сен[т`е]бря.* Еканье характеризует, как известно, петербургский вариант произносительной нормы*.

3) В области консонантизма отметим нормативное произношение г-**взрывного**, лишь в некоторых словах В.П. произносит г-**фрикативный** (*Бо[γ] с ними ; и слава бо[γ]у*), что допускается произносительной нормой начала XX века.

4) Отмечено ассимилятивное смягчение согласных: *ше[с`т`], на этих [д`н`]ях, двадцать шестого се[н`т`]ября* в соответствии с нормой начала XX века.

5) Слово **что** произносится как [што]: *Понимаете / Володе повезло/ што люди откликнулись на его... на его беду / вот эта болезнь-то //* (произношение [ч`о] встречается у В.П. при имитации чужой речи).

6) **Аффриката ц** произносится мягко: *китай[ц`]ы; шесть меся[ц`]ев; лежал в больни[ц`]е.*

7) **Аффриката ч** произносится как [т`ш`]: *Я Вам налью [т`ш`]аю?*

8) В целом артикуляцию согласных в речи В.П. можно охарактеризовать как недостаточно чёткую.

9) Широкое распространение фонетического эллипсиса в речи В.П. вполне соответствует традиции русской устной разговорной речи: *щас, скоко, в-и-и-те, кода, гыт, грю, всё-т(а)ки, на(вер)но, пожаласта. Он щас тоже болеет там / семесят / или семесят два года.*

* О распространённости в Харбине именно петербургского варианта нормы см. [23, с.101; 24, с.36].

10) В некоторых случаях постановка ударения в словах отступает от норм русского языка: *Потом мне иностранный отдел мне звони́т по телефону* (Словарь Ушакова: звони́шь – прот.); *Когда уже после по́хорон полукровка и все другие поехали / на квартире уже ниче не осталось // Вот такие люди //* (Словарь Ушакова: похоро́н)

11) Следует особо отметить хороший, довольно быстрый темп речи В.П., нормативное интонирование.

Кроме того, в произношении В.П. имеются особенности, обусловленные, как мы полагаем, влиянием других языков (корейского, китайского и английского).

Прежде всего отметим сохранение произносительных особенностей языка-источника в топонимических названиях и экзотизмах. См. иноязычное произношение слов и словоформ: *тридцать девять или сорок тысяч юаней, тофу* (Т - с придыханием), *Ченхэ* (топоним), *из Америки* (как из Эмерики) и некот.др.

Произношение согласных П, Т в речи В.П. сопровождается придыханием (известно, что придыхательные согласные имеются в корейском и китайском языках). Однако в цели данной работы не входило объяснение участков, подвергшихся интерференции со стороны названных языков.

МОРФОЛОГИЯ

В.П. хорошо владеет грамматической нормой русского языка, даже в тех случаях, когда необходимо знание распределения существующих грамматических вариантов. Так, форма Род.п. Ед.ч. слова **сахар** употребляется В.П. с флексией –У при указании на количество (чего требует строгая норма), а не с более прогрессивной, ненормативной в данном случае, флексией –А: *Берите / а тут сахару скоко угодно //*

В русской речи В.П. имеются грамматические особенности, отличающие её речь от современной. Например, в рассказе о современной Москве В.П. употребляет слово огонь в значении «Освещение, свет осветительных приборов» в Род.п. Ед.ч.): А в этот раз я когда поехала в Москву / я смотрю /

такие большие перемены / так чисто / культурно / везде много **огня** / и думаешь / слава богу // *В современном русском языке в подобном контексте предпочтение будет отдано форме Мн.ч.: **огней**. Словарь Ушакова отмечает, что форма Мн.ч. у данного лексико-семантического варианта слова **огонь** употребляется редко. Таким образом, В.П. наиболее распространенный для своего времени вариант.*

*Отступлением от грамматической нормы в речи В.П. является употребление слова **рвота** во Мн.ч.: А у нее **рвоты** / понос // И тут мне Люба звонит / «Надо ее в больницу» // Я говорю / «Что такое?» «**Рвоты** / понос и потеряла сознание». В Словаре Ушакова отмечено, что данное слово не имеет формы Мн.ч., в современном нормативном употреблении также слово **РВОТА** во Мн.ч. невозможно. Объяснить использование этой словоформы В.П. пока не представляется возможным.*

В речи В.П. отмечено образование притяжательного прилагательного с помощью суффикса –СК(ИЙ): *У нас правда вот сейчас молитвы этот Виктор Лукьяновский сын (нрзбр.) // Ну слава богу / что он читает //* В современном русском языке такие формы прилагательных вытеснены формой существительного в Род.п., выражающей значение принадлежности (ср.: сын Лукьяновой).

СИНТАКСИС

Синтаксическая организация устной речи В.П. в целом соответствует традиции русского разговорного дискурса, который является противопоставленным дискурсу книжному. «Разговорная разновидность литературного языка достаточно давно в науке о русском языке отграничивалась от книжной. Однако в последние десятилетия она получает интерпретацию как самостоятельная и самодостаточная система – внутри общей системы литературного языка в условиях непосредственного, заранее не подготовленного общения при неофициальных отношениях между говорящими» [10, с.43]. В устной речи В.П. мы наблюдаем типичные для

разговорного синтаксиса средства: эллиптические конструкции, конструкции с именной темой, конструкции добавления:

Потому што в-и-и-те / он уже целый год же болеет // Ему даже китайцы / которые очень скупы [пауза] на пожертвования [с убыстрением] / и то / ему пожертвовали три(д)цать девять или сорок тыщ юаней // Это для них большие деньги / Они приносили в больницу / потому што / э-э-э Изабэлла ... она в газете написала большую статью / про Володю // Как он с детства здесь вырос / с хозяйством / с коровами и... кто у него были родители / знаете / он же в Ченхе там под мостом / торговал молоком / в три / в три с половиной часа утра / выезжал за... за город / там покупал молоко у китайцев / привозил туда под мост в Ченхе //

Активно используются релятивы [25]:

*И я...он grit / я грю «У вас виза до какого?» он как турист приехал / Он grit «До десятого мая» / **Вот хорошо** / сегодня трин(д)цатое / почти месяц / я грю «Я Вам дам пятьсот юаней / вы / грю / пожал(уй)ста / пойдите к Володе / А вы можете ухаживать за больным?»;*

***Вы шутите** / миллионы людей у нас в Харбине // А я вот нашла именно //*
указатели:

*Берите / а **тут** сахару скоко угодно;*

*Я Вам налью чаю? Возьмите **там** чашку / берите...*

паратаксическое объединение глаголов:

*Я его **ждала-ждала**;*

*Все **ходила назначала** ему свидания;*

конструкции с плеонастическим местоимением:

*Я всегда обращала внимание / что две сестры особенно почему-то обожали **этого** Сидорова // Оказывается потом старшая Кондратович **эта** вышла замуж за **этого** Сидорова //*

*А этот хозяин / **он** знает / што я в церковь хожу //*

Отметим те синтаксические явления, которые составляют специфику устной речи В.П.. Это, прежде всего, использование наряду с традиционно

разговорными конструкциями книжных оборотов. Довольно частотно в её речи составное именное сказуемое с кратким страдательным причастием в именной части:

Я была разочарована;

Она **была** страшно **оскорблена**.

С другой стороны, в высказываниях В.П. в функции сказуемого может выступать деепричастная форма, имеющая в современном русском языке диалектно-просторечный статус в подобном употреблении:

*А его жена **приехавши** из центра России //*

*Мы с Китая **приехавши** //.*

Укажем на особенности речевого поведения, определяющие синтаксическую организацию речи В.П.

В устных рассказах В.П. активно используется чужая речь, что делает её разговорный дискурс полифоничным:

Проходит неделя // Не выдержала я / пошла к его матери домой / до этого я с ней не встречалась / я прихожу / она говорит / «А / вы наверно Валя?» Я говорю / «Да» // Я говорю / «Что с Толей? Почему его нету?» Она говорит / «Он исчез / уже неделю»// Я говорю / «Я всю неделю так тревожилась / что пришла с вами поделиться / что с ним» //;

Она уже в сорок девятом уехала в этот / в Ухан / на Юг Китая преподавателем // И вдруг к ней на квартиру пришла его карточка / в розыске / что «где моя мама?»

«Ты / говорит / в моем представлении / говорит / утонченная пианистка».

В разговорном дискурсе В.П. могут одновременно выступать два плана речи: рассказ о каком-либо событии может ею же самой перебиваться ситуативными вставками бытового характера (например, приглашением к угощению), что не нарушает канвы основного повествования:

*Понимаете / Володе повезло / што люди откликнулись на его... на его беду / вот эта болезнь-то // И из Эмерики мне прислали деньги што скоко ему надо / давайте / и вот прямо у меня это...в книге все записаны его полочки // **Берите***

сахар! Поэтому он / ви-и-те / это... лежал в больнице пять- шесть месяцев / потом выписался / привезли его домой // Но всё-т(а)ки у него нога плохо заживала // Я Вам налью чаю? Возьмите там чашку / берите... А вот тут последнее время / он стал поправляться / нога у него уже почти зажила одна //

Указанная черта является типичной особенностью женского речевого поведения [26, с.113]. Другой яркой чертой речевого поведения В.П. как женщины является повышенная эмоциональность её дискурса [26, с.111]. Чувства и переживания, которыми сопровождаются рассказы В.П., оказываются отражены в её высказываниях с помощью различных языковых средств, в том числе и синтаксического характера. Весьма частотны в её дискурсе восклицательные и невосклицательные предложения, передающие эмоциональное состояние В.П.:

И так это было приятно;

Ну прям так было приятно!

Знаете / так было приятно!

Так мне было тревожно

Еще церковь открыта / и слава богу.

Ой / она такая скандалистка была / ой / ...Ужасно жалко / хороший человек //

Я была в восторге! Шелковые чулки «Ханэ»! Боже мой!

На основании всего вышеизложенного можно констатировать, что русская речь кореянки Валентина Павловна Хан, примкнувшей к русской диаспоре в Харбине, представляет собой уникальное явление.

Во-первых, хорошее знание В.П. русского языка является не только следствием неординарности её личности, но и подчёркивает высокий статус русского языка в Харбине как языка культуры и православия.

Во-вторых, русский язык в целом отражает литературную норму начала XX века и тем самым демонстрирует факт консервации языка в отрыве от метрополии.

В-третьих, не соответствующие норме русского языка (как современной, так и норме начала XX века) факты речи В.П. позволяют уловить историю развития ряда частных явлений русского языка, а также интерферирующие тенденции в условиях языкового контакта.

В перспективе исследования анализ лексического и жанрово-тематического своеобразия речи В.П., что позволит сделать её речевой портрет наиболее полным и выразительным и приблизит исследователя к описанию В.П.Хан как языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6.
2. Земская Е.А. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // Известия АН. Серия литературы и языка. 1998. Т.57. №4.
3. Голубева-Монаткина Н.И. Об особенностях русской речи потомков первой русской эмиграции во Франции // Русский язык за рубежом. 1993. №2.
4. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.,1995.
5. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв.ред.Е.А.Земская. М.; Вена,2001.
6. Русский язык зарубежья / Под ред. Е.В.Красильниковой. М., 2001.
7. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 2002.
8. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М.1995.
9. Николаева Т.М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20-23 мая 1991г. Доклады. Ч.2. М., 1991.
10. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003.
11. Ермакова О.П. Речевой портрет собаки // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е.А.Земской. М., 1998.
12. Оглезнева Е.А. Жанр воспоминания в речи представителей харбинской диалекты: мотивы и настроения // Россия и Китай на дальневосточных рубежах.2. Благовещенск: АмГУ, 2001. С.196-201.
13. Старыгина Г.М. Лингво-исторические портреты харбинцев (на материале речи русских эмигрантов) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып.4. Этнические контакты. Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 263-269.
14. Оглезнева Е.А. Русский язык зарубежья: восточная ветвь // Известия АН. Серия литературы и языка. Т.63. №2. 2004. С.42-52.
15. Кузнецов Н.С. Востребует ли опыт российской цивилизации в Маньчжурии? // Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: материалы конференции. Москва, 19-21 мая, 1998.
16. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: ДВГУ, 2002.
17. Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994.
18. Бобин О.Б. Прощание с русским Харбином. М.,1994.

19. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Под ред. проф. Д.Н.Ушакова. М.: Вече, Мир книги, 2001.
20. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., испр. и доп. М.: Азъ, 1995.
21. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб.: «Норинт», 1998.
22. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И.Фёдоров. Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1995.
23. Дземешкевич Л. Харбинцы. Омск, 1998.
24. Таут М.П. Сбережённый русский язык //Русская Атлантида. №7. 2001.
25. Терминология О.А.Лаптевой. См. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
26. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993.

А.Н.Анцыпова

Красноярский государственный университет

г.Красноярск

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ОДНА ИЗ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗАРУБЕЖЬЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ ЭМИГРАНТОВ АВСТРАЛИИ

Проблемы функционирования языков в иноязычном окружении, а также вопросы взаимного влияния контактирующих языков на протяжении последнего столетия представляют неизменный интерес для лингвистов разных стран [см. 1-9]. Изучение языка русского зарубежья, несомненно, представляет интерес для исследователей, поскольку:

1) «история русского литературного языка XX века не может претендовать на полноту описания без включения этого материала» [10, с.3];

2) в необычной для себя обстановке (в иноязычном окружении) могут проявляться скрытые тенденции языка метрополии, что позволит выявить закономерности его развития.

В данной статье представлены некоторые результаты исследования русского языка эмигрантов, проживающих в Австралии.

Материалом исследования послужили *периодические издания* (журналы: «Австралиада. Русская летопись» (Sydney, Australia). 1995 (№4–5), 1996 (№6–9),